

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х21

Thomas Harris
RED DRAGON

Copyright © 1981 by Yazoo Fabrications, Inc.

В оформлении обложки использована репродукция акварели
«Большой красный дракон и Жена, облечённая в солнце
(Откровение Иоанна Богослова (Отк. 12:1—4)» (ок. 1803—1805)
художника Уильяма Блейка (1757—1827)

Харрис, Томас.

Х21 Красный дракон : роман / Томас Харрис ; [перевод с английского В. Б. Гусева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-112336-9

Мы все безумцы или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума?

Доктор Ганнибал Лектер, легендарный убийца-каннибал, попав за решетку, становится консультантом и союзником ФБР. Несомненно, Ганнибал Лектер — маньяк, но он и философ, и блестящий психиатр. Его мучают скука и отсутствие «интересных» книг в тюремной библиотеке.

Зайдя в тупик в расследовании дела серийного убийцы, прозванного Красным Драконом, ФБР обращается к доктору Лектеру. Ведь только маньяк может понять маньяка. Истинный игрок, Лектер соглашается помочь. Во многом от скуки, но больше для того, чтобы доказать, что он умнее и хитрее Красного Дракона.

Роман Томаса Харриса «Красный дракон» был с успехом экранизирован ведущими режиссерами Голливуда дважды: в 1986 и 2002 годах.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Гусев В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112336-9

*Сердце человека — Милосердие,
Жалость и Печаль — его лицо,
Любовь — его божественное тело,
Покой — его бессменная одежда.*

Уильям Блейк,
из цикла «Песни невинности»
(Божественный образ)

*Сердце человека — Бессердечность,
Ревность с Завистью — его лицо,
Ужас — его дьявольское тело,
Тайна — его вечная одежда.
Сердце человека — голодная бездна,
Лицо человека — закрытая печь,
Тело человека — кузница огня,
Одежда человека — кованое железо.*

Уильям Блейк,
из цикла «Песни опыта»
(Божественный образ).
Перевод на русский язык
Ларисы Васильевой

Усадив Кроффорда за небольшой столик, стоявший в нескольких шагах от полоски прибоя, Уилл Грэм предложил ему стакан чая со льдом. Джек Кроффорд оглянулся на старый, но очень симпатичный дом — его крепкие просоленные доски сверкали в ярком свете дня.

— Надо было поговорить с тобой еще в Марафоне, сразу как закончилась твоя смена на верфи, — начал Кроффорд. — Здесь ты вряд ли захочешь об этом говорить.

— Джек, я вообще не хочу об этом говорить, — ответил Грэм. — Но раз уж приехал — выкладывай. Только без фотографий. Скоро придут Молли и Вилли. Я не хочу, чтобы они все это видели.

— Что ты об этом знаешь? — спросил Кроффорд.

— Не много. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте — вторая. В обоих случаях почерк схожий.

— Не схожий, а одинаковый, — поправил Кроффорд.

— Ложных признаний много? — осведомился Грэм.

— Сегодня после обеда звонил нашим, было восемьдесят шесть. Психи. Ни один не знает, что тот бьет зеркала и использует осколки.

— Чего еще не знают газетчики? — спросил Грэм.

— Убийца — блондин, правша, физически сильный. Сорок пятый размер обуви. Умеет завязывать беседочный узел. Работает в резиновых перчатках.

— Ну, об этом ты говорил в интервью.

— Замки открывать, видимо, не умеет, — продолжал Кроффорд. — Последний раз, чтобы попасть в дом, вырезал стекло алмазом. Чуть не забыл, у него первая группа крови, резус положительный.

— Его что, кто-нибудь зацепил?

— Насколько нам известно, нет. Определили по сперме и слюне. Он относится к тем, у кого в секреторных выделениях содержатся антигены группы крови.

Кроффорд посмотрел вдаль, на спокойную воду океана.

— Уилл, я хочу тебя спросить, — осторожно начал он. — Ты ведь видел газеты. А после второго убийства была куча телерепортажей. Неужели тебе ни разу не захотелось мне позвонить?

— Нет.

— Почему? — поинтересовался Джек.

— Бирмингемский случай описывали очень скупо. Убийство как убийство. Может, месть, а может, с родственником что-нибудь не поделили, — объяснил Грэм.

— Но после Атланты ты, конечно, понял, кто тут замешан, — возразил Кроффорд.

— Да. Психопат, — согласился Грэм. — А не позвонил потому, что не хотел. Что я, не знаю, кто у вас там

работает? Да таких криминалистов еще поискать надо. Тебе, поди, помогают и Гаймлих из Гарвардского университета, и Блум из Чикагского...

— В то время как некоторые продолжают чинить долбаные лодочные моторы.

— Вряд ли я на что-нибудь схожусь, Джек. Я обо всем этом уже и думать забыл.

— Да ну? А двое последних, которых мы посадили? Ведь брал их ты.

— Да ладно тебе. Ничего особенного я не делал.

— Ничего особенного? Да ты же думаешь по-другому, не как все!

— Правильно, теперь ты будешь этот бред повторять...

— Постой, постой. Ты же выходил на них внезапно, ни с того ни с сего. Как? До сих пор никто не знает.

— Улики анализировал, вот как, — проворчал Грэм.

— Какие улики? Улики потом появились, после ареста. Ты вспомни, мы даже мотив установить не могли!

— Джек, у тебя неплохая команда. От меня особого прока не будет. Я нарочно забрался сюда, чтобы уйти от всего.

— То, что тебя ранили, я не забыл. Но сейчас ты вроде выглядишь нормально.

— А я и чувствую себя нормально. Дело не в том, что меня порезали. Тебя тоже резали.

— Резали, но не так сильно.

— Дело не в этом. Просто я решил поставить точку. Не могу объяснить почему.

— Не можешь больше на все это смотреть? Прекрасно понимаю, ей-богу.

— Нет, не смотреть. Смотреть просто приходится. Приятного, конечно, мало, но работать с трупами можно научиться, привыкнуть, что ли... А вот допросы, больницы... Когда все это стоит перед глазами, а нужно думать, думать, думать... Нет, не потяну. Смотреть еще бы смог, а постоянно об этом думать — уволь...

— Эти уже мертвые, Уилл, — произнес Крофорд, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее.

Слушая Грэма, Крофорд узнавал в речевом ритме и построении фраз свою собственную манеру говорить. Он замечал это за Грэмом и раньше, в беседах с другими. В напряженные моменты Грэм вдруг начинал как бы копировать собеседника. Поначалу Крофорду казалось, что Уилл делает это намеренно, рассчитывая разговорить собеседника, но потом он понял, что тот сам ничего не может поделать: это происходит помимо его воли.

Крофорд двумя пальцами вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии и бросил их на стол изображением вверх.

— Уже мертвые, — повторил он.

Грэм на секунду задержал взгляд на его лице. Потом потянулся за фотографиями.

Перед ним были два любительских снимка. На одном — пруд. По склону берега поднимается женщина. В руках у нее — корзина для пикника. За ней идут трое детей и утка. На другом — семья вокруг праздничного торта.

Не прошло и полминуты, как Грэм положил снимки на стол. Пальцем он подвинул верхний так, что

тот аккуратно совместился с нижним. Он отвернулся и посмотрел вдаль. У самой воды он увидел мальчика: сидя на корточках, тот что-то искал в песке. Рядом, по щиколотки в воде, стояла подбоченясь женщина и наблюдала за ним. Вот она повернулась к воде спиной, наклонилась и откинула влажные волосы с плеч.

Грэм некоторое время наблюдал за ними, словно забыв о Крофорде.

Крофорд понял, что приехал не зря. Он правильно выбрал место для разговора, теперь важно не показать радости.

«Похоже, поддается, — подумал он. — Теперь пусть дозревает».

Подошли три на редкость страшные дворняги и улеглись у стола.

— Это что такое? — спросил Крофорд.

— По-моему, это собаки, — ответил Грэм. — Сюда со всей округи приходят щенков топить. Тех, что по-симпатичнее, мне удастся пристроить. Те, что остаются, вырастают вот в таких.

— Довольно упитанные.

— Молли подкармливает. Она жалеет бродячих собак.

— Вы неплохо здесь устроились, — произнес Крофорд. — Сколько мальчику лет?

— Одиннадцать, — сказал Грэм.

— Славный парень. Вырастет — будет выше тебя.

Грэм кивнул.

— Отец у него был высокий... А жить здесь здорово, ты прав. Я хотел перевезти сюда Филлис, выйти на пенсию, обосноваться тут как следует. Надоело жить

как перекасти-поле. Она скучает — ничего удивительного. Все ее друзья остались в Арлингтоне.

— Кстати, передай ей, что я благодарен за книги, которые она мне приносила в больницу. Сам я не успел.

— Конечно передам.

Прямо на стол сели две птички, видимо надеясь найти остатки джема. Крофорд смотрел на них, пока они не упорхнули.

— Очевидно, на этого типа влияет луна, Уилл. Джейкоби он убил в субботу, двадцать восьмого июня, в полнолуние. Двадцать шестого июля, позапрошлой ночью, — Лидсов. За один день до полнолуния. В следующий раз полная луна выйдет почти через месяц. У нас есть три недели, чтобы подготовиться к встрече. Не думаю, что ты сможешь спокойно сидеть и ждать, пока газеты сообщат о его новой вылазке. Черт возьми, Уилл, я ведь не проповедь читать приехал. Скажи, тебе не безразлично мое мнение?

— Конечно нет, — ответил Грэм.

— Ствоей помощью у нас больше шансов быстро его взять. Так что давай седлай — и по коням. Поезжай в Атланту, в Бирмингем, посмотри, а потом приезжай в Вашингтон. Я же не предлагаю тебе вернуться в штат, — продолжал уговаривать Крофорд.

Грэм молчал.

Волны набегали на берег и откатывались назад. Крофорд помедлил, потом встал, накинул пиджак на плечи.

— Ну ладно, — сказал он, — поговорим после ужина.

— Оставайся с нами, — предложил Грэм.

Крофорд покачал головой.

— Не могу, — ответил он. — Мне будут звонить в гостиницу, еще надо кое с кем связаться. Передай Молли спасибо за приглашение.

Взятая напрокат машина Крофорда оставила после себя облако редкой пыли, осевшее на придорожных кустах. Грэм вернулся к столу. Он уже знал, что потом будет вспоминать последний день счастливой жизни на мысе Шугалауф именно вот так: стол красного дерева, тающие кусочки льда в двух стаканах, салфетки, разлетающиеся от ветра, и далекие силуэты Молли и Вилли.

Закат над мысом Шугалауф: неподвижные цапли и уходящий за горизонт солнечный диск. По лицам Уилла и Молли, сидящих на выбеленном морской водой бревне, выброшенном на берег, бродили оранжевые блики. Их спины отбрасывали фиолетовые тени. Молли взяла Грэма за руку.

— По дороге Крофорд заглянул ко мне в магазин, спросил, как сюда проехать, — сказала она. — Я пыталась до тебя дозвониться. Хоть иногда подходи к телефону. У дома мы увидели его машину, ну и свернули на пляж.

— Он о чем-нибудь еще тебя спрашивал?

— Да, поинтересовался, как ты.

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что у тебя все в порядке и чтобы он оставил тебя в покое. Что ему надо? — спросила Молли.

— Джек хочет, чтобы я изучил улики, я ведь как-никак судмедэксперт. Ты видела мой диплом.

— Да, видела, когда ты заклеивал им дырку в обоях на потолке. — Она оседлала бревно, чтобы видеть его глаза. — Если бы ты тосковал о своей прежней жизни, о том, чем ты занимался раньше, ты бы сказал. Так мне кажется. Но ты же молчишь. С тобой сейчас легко и спокойно... таким я тебя люблю.

— Нам хорошо, правда?

Она зажмурилась, поморщившись, и Грэм понял, что сказал что-то не то.

Он хотел поправиться, но Молли продолжала:

— Работа с Кроффордом пошла тебе во вред. У него полно людей, за ним все государство! Почему он не может оставить нас в покое?

— Я на следственную работу уходил из академии дважды. И оба раза работал под его началом. Те два дела даже для него были в новинку, а уж у него-то следственный стаж — ого-го! И вот опять... Психопаты такого типа — редкость. Ну а Кроффорд знает: у меня есть... опыт, что ли.

— Да уж, — сказала Молли.

Рубашка на Грэме была растегнута, и она видела шрам, пересекавший живот до самого паха. Выпуклый, шириной в палец шрам белел на фоне загорелой кожи.

За год до того, как Грэм встретил Молли, это ранение нанес ему ножом для резки линолеума доктор Ганнибал Лектер. Уилл тогда чудом остался в живых. Лектер — Ганнибал-Каннибал, как позднее окрестили его журналисты, — был вторым психопатом на счету у Грэма. Поправившись, Грэм уволился из Федерального бюро расследований, уехал из Вашингтона во Флориду и устроился работать механиком-мото-

ристом на небольшую верфь в Марафоне. Грэм был знаком с этой работой с детства. Сначала жил в трейлере, пока не переселился к Молли, в ее старый уютный дом на мысе Шугалауф.

Грэм сел верхом на выброшенное прибоем бревно и взял руки Молли в свои. Грэм почувствовал, как под его подошвами ступни Молли зарывались в песок.

— Видишь ли, Крофорд вбил себе в голову, что у меня нюх на маньяков.

— А сам ты как думаешь?

Грэм отвел взгляд. Над ровной полосой берега один за другим летели три пеликана.

— Молли, психопата, если он не глуп, поймать трудно. Особенно садиста. Во-первых, нет мотивов преступления. Значит, этот путь закрыт. Во-вторых, почти никакой помощи от информаторов. Чаще всего задержание преступника — результат доноса, а не собственно розыскной работы. А в таких делах стучать просто некому, понимаешь? Никто ничего не знает, иногда даже сам психопат — часто он просто не отдает себе отчета в своих поступках. Поэтому приходится брать след — иногда единственный — и думать, думать... Нужно влезть в его шкуру, воссоздать картину, найти закономерности его поведения.

— А затем выследить и поймать, — вставила Молли. — Я боюсь, что если ты начнешь выслеживать этого маньяка, или как его там, то он просто всадит в тебя нож, как в прошлый раз, понимаешь? Мне страшно за тебя.

— Он не увидит моего лица, не будет знать моего имени. Когда его найдут, то брать буду не я, а полиция. Крофорд просто хочет знать мое мнение.

Молли отвернулась. Солнце напоследок окрасило волны и перистые облака в вышине багряным цветом.

Слева ее профиль был не таким правильным, и Грэм нравилось, как Молли поворачивает голову — просто, без тени кокетства. Увидев пульсирующую на шее жилку, Грэм вдруг отчетливо вспомнил вкус соли на ее коже. Проглотив подступавшую слюну, он сказал:

— Что же мне делать, черт побери?

— По-моему, ты уже все решил. Если ты будешь сидеть здесь, а он там будет убивать и убивать, вполне возможно, что ты возненавидишь это место. Знаешь, как в фильме «Ровно в полдень»?* Если так оно и будет, то зачем тогда меня спрашивать?

— А если я все-таки спрошу?

— Оставайся со мной. Со мной и с Вилли — я и его брошу на весы, если он что-нибудь для тебя значит. Я — что, мне положено смахнуть слезу прощания и помахать платком. А если все закончится печально, я успокоюсь мыслью, что ты не мог поступить иначе. Только спокойствие это закончится с последними тактами твоего похоронного марша. А потом я приеду домой и включу половину одеяла**.

— Меня и близко к нему не подпустят.

— Так я тебе и поверила. Я эгоистка, да?

— Да. Но мне все равно.

— И мне. Мне никогда не было до такой степени хорошо. Я знаю, потому что помню все, что было со

* Американский классический вестерн, где главную роль играет Гари Купер.

** Имеется в виду одеяло с электроподогревом.

мной раньше. И поэтому я ценю то, что у нас есть сейчас, понимаешь?

Грэм кивнул.

— Я ни в коем случае не хочу лишиться этого, — сказала Молли.

— Я тоже. Все будет нормально, вот увидишь.

Быстро стемнело. На юго-западе, низко над горизонтом, показался Юпитер. Они пошли к дому в свете ущербной луны. В море, далеко за отмелями, из воды выпрыгивала мелкая рыбешка, пытаюсь спасти свою жизнь.

Крофорд пришел после ужина. Снял пиджак, галстук и закатал рукава, чтобы придать себе непринужденный вид. Молли было противно смотреть на его полные бледные руки. Он был ей смешон своей недалекой хитростью. Пока Грэм с Вилли кормили собак, она провела его на террасу, посадила под вентилятором и налила кофе. Говорить ей не хотелось. Было слышно, как о сетки в окнах бьются мотыльки.

— Знаешь, Молли, а Уилл хорошо выглядит, — сказал Крофорд. — Да и ты тоже. Вы оба такие стройные и загорелые.

— Что бы я ни сказала, ты все равно его увезешь? — спросила она.

— Да, это необходимо. Я не могу поступить иначе. Но я тебе торжественно обещаю, что сделаю все, чтобы ему было как можно легче. Он теперь совсем другой. Здорово, что вы поженились.

— Ему лучше с каждым днем. И кошмары мучают реже. Одно время он был просто помешан на собаках. Сейчас, правда, он за ними только ухаживает, а

не порывается всем о них рассказать. Джек, ты ведь ему друг, почему ты не можешь оставить Уилла в покое?

— Он самый лучший. В этом его проклятие. Он мыслит как-то по-другому. Никогда не действует по шаблону.

— Уилл считает, что ты хочешь, чтобы он познакомился с материалами дела.

— Конечно, — подтвердил Кроффорд. — Никто так хорошо не может анализировать улики. Но есть и другое — воображение, проницательность, называй как хочешь. Он сам-то не очень рад, что это в нем есть.

— А тебя бы не беспокоило, если б в тебе это было? Джек, пообещай мне... пообещай, что присмотришь за ним в случае чего. Если ему придется драться, то это его доконает.

— Ему не придется драться, это я могу обещать.

Грэм покормил собак, и Молли помогла ему собраться.

2

Уилл Грэм медленно ехал мимо дома, в котором жили и умерли Лидсы. Темные окна. В саду горел один фонарь. Он оставил машину, проехав пару кварталов, и вернулся к дому пешком. Было темно и тепло. Грэм нес картонную папку с протоколами, полученными в полицейском управлении Атланты.

Сюда Грэм хотел приехать непременно один. Присутствие полицейских будет только мешать. Так он сказал Кроффорду. На самом деле у него была другая причина. Грэм не знал, как будет реагировать на то,